

РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОСТУПА ГРАЖДАН К ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ

КРУГЛЫЙ СТОЛ "ДОСТУП К ИНФОРМАЦИИ В РОССИИ: СИТУАЦИЯ И ТЕНДЕНЦИИ"

Юрий Вдовин,
правозащитная организация "Гражданский контроль" (г. Санкт–Петербург)

Нам нужен закон, обязывающий чиновников давать гражданам информацию

Свое выступление хочу начать с того, что процитирую научный труд "Военно–морской флот СССР. 1945–1995 годы". Авторы его – довольно известные в мире ученые, офицеры военно–морского флота Кузин и Никольский. Итак, цитата: "Существовавшие в СССР перечни сведений, подлежащих защите от несанкционированного доступа, были составлены, скорее всего, исходя из желания перестраховаться органами, в большинстве своем не осознающими характера циркуляции информации в общественном производстве и управлении. По этой причине секретной оставалась фактологическая информация, оглашение которой в принципе не может нанести реального вреда государству".

В свете этого высказывания смешно звучат утверждения, что разглашение экологической информации может нанести серьезный ущерб России. Между тем, в газете "Час пик" было написано, что по экологической информации можно вычислить государственные тайны. А журналист Соломенко объяснил всем, что по материалам доклада Никитина все террористы побегут взрывать отстойники радиоактивных отходов.

Мысль, которую высказал Александр Никитин, очень актуальна, и ее нужно очень серьезно прорабатывать. В других странах уже накоплен соответствующий опыт. В Соединенных Штатах Америки существует специальная комиссия, которая занимается решением всех вопросов, связанных с отнесением тех или иных сведений к государственной тайне. То, что наша структура в этом отношении традиционно избыточна, это очевидно для всех и не требует доказательств. Но кроме обычного страха и обычного стремления перестраховаться, система создавала еще и рабочие места для вышедших в отставку офицеров ФСБ и КГБ. Они сидели в первых отделах и засекречивали все, что только можно.

В связи с делом Никитина "Российская газета" напечатала статью своего питерского корреспондента Алехина "Под рубрикой "секретно" анекдотов не печатают", где автор явно по заданию ФСБ старательно прививал читателям мысль о том, что у нас органы зря не сажают. А я сам работал долго на режимных предприятиях с допуском второй формы, и могу утверждать, что мы ежедневно брали и сдавали собственные секретные рабочие журналы, в которых записывали все, что угодно, в том числе и анекдоты. Те, кто работал на режимных предприятиях, знают, до какого бреда это все доходило. В некоторых организациях сотрудник должен был опечатывать свой стол, выходя в туалет или покурить.

И для огромного числа людей, давших подписку о неразглашении, в действительности это была узаконенная форма дополнительного кагэбэшного контроля и ущемления гражданских прав и свобод. И чем больше засекреченного, тем легче было держать людей в узде и под контролем. Именно поэтому создание какого–то общественно–контролируемого органа, который бы занимался проблемой отнесения тех или иных сведений к гостайне, а не отдавал эту процедуру на откуп чиновникам – это совершенно необходимое условие оздоровления ситуации в этой области, и страна

остро в этом нуждается.

Теперь я хотел бы вернуться к проблеме доступа к информации и напомнить, что традиции российского, советского государства основаны как раз на том, что рядовому гражданину информация по целому ряду вопросов вообще была всегда недоступна, и мы уже на бытовом уровне смирились с этим. В СССР всегда существовала "тайна"! И она была главным орудием власти на всех уровнях, ибо владение информацией являлось атрибутом власти. Я вам напомню такие ситуации. Вы приходите на вокзал, поезд в назначенное время не приходит. И вы ничего нигде не можете узнать. Как правило, вы и в городе стоите на автобусной остановке и не знаете, придет или не придет автобус. А если вы находитесь в Германии, то вам доступны толстые книги, в которых приведены расписания практически всех автобусов и поездов, метро, надземки. И если вдруг, как во время нашего с Виктором Монаховым пребывания в Берлине, там происходит ремонт, то на всех станциях метро, надземки, остановках автобусов лежат листки с разъяснениями, описанием альтернативных путей.

Предоставление гражданам информации на бытовом уровне – это необходимое условие, потому что если гражданам не предоставят необходимую им информацию, то там будут конфликты. А у нас конфликтов не будет.

Я уж не говорю о том, что по поездам и автобусам в Германии можно часы проверять. В лондонском метро, например, табло показывает, через сколько времени придет поезд, следующий туда–то. А у нас вы в метро спуститесь и узнаете, сколько минут назад поезд ушел. Это, видимо, для той бабушки, которая прибежала на вокзал и спрашивает милиционера: "Скажи, милый, поезд давно ушел?". Он говорит: "Только что". "Ну, слава Богу, а то я думала, что намного опоздала".

Или вот еще бытовая информационная ситуация, в которой мы живем. Вы входите в любой ЖАКТ, или ЖЭУ, или другое подобное учреждение, и в лучшем случае вы там находите доску с перечнем кабинетов по должностям, но ни как туда попасть, ни кто там и когда принимает, ни какие вопросы решает – ничего выяснить невозможно. Но, с другой стороны, сейчас можно купить за 150 долларов диск, на котором находится информация о государственных телефонах и чиновниках, которые этими телефонами пользуются. Это при том, что мы исправно платим налоги, которые предполагают какое–то наше право на информацию, созданную чиновниками на наши деньги и для нас. Поэтому обсуждение проблемы доступа к информации, может быть, следует начинать с вопросов доступа к информации на бытовом уровне, к которому мы еще не привыкли. Мы смирились с тем, что на элементарном бытовом уровне мы не получаем необходимую нам информацию. Выключают воду. Почему на 25 дней? Почему на 27 дней, а потом еще на две недели продлевают? Почему отключают телефон? Почему опаздывает самолет? Военная тайна.

Я горячо поддерживаю идею, которую Александр Никитин высказал, о создании органа, который лишил бы чиновников возможности по своему произволу относить те или иные сведения к государственной тайне с вытекающими последствиями. Я просто должен сказать, что на самом деле с Никитиным ситуация относительно благополучная. У них там подполковник ФАПСИ Дудин, их человек, и то сейчас сидит. Посажен на 10 лет. Мы долго пытались разобраться в этой истории, нам вот Юрий Шмидт помогал. Мы обращались в Верховный суд, в Генпрокуратуру, поднимали документы. Похоже, что он такой же шпион, как я балерина.

Человек, готовясь выйти в отставку, начал искать себе работу, и когда стал предлагать свои услуги одной российско–германской фирме в Петербурге, они ему предложили написать обзор по каким–то там компьютерным системам – должны же люди знать, что умеет претендент на должность. Этот обзор перехватила ФСБ и обвинила его в том,

что он изготовил рукописный документ, содержащий, по заключению их экспертов, государственную тайну. Он даже и не передал этот документ. По аналогии с делом Никитина, Пасько, Мирзоянова можно предположить, что за государственная тайна там находилась. Но ведомственные эксперты заключили, что эти сведения содержат государственную тайну. Все. Он получил 12 лет, потом из-за неправильного применения статей ему срок изменили в результате кассации с 12 на 10 лет.

ФСБ на фоне постоянных провалов в разведдеятельности, ничтожных результатов в борьбе с коррупцией и оргпреступностью, острейшего желания сохранить свой безумно раздутый штат и доказать правомерность возвращения им следственного аппарата – оперативники и следователи в одном флаконе, – страшно нуждается в визуализации результатов своей никчемной деятельности. И для демонстрации "успехов" идет на фальсификацию дел с использованием грифа секретности.

Но стоит обратить внимание и на следующее обстоятельство. Видимо, наученные печальным для них опытом дела Мирзоянова и Никитина, показавшим всему миру способность чекистов только к фальсификациям и готовность содействовать незаконному сокрытию информации, которая должна быть доведена до сведения граждан как общественно значимая и несущая сведения об опасностях для всех граждан, чекисты решили сфабриковать еще одно дело, но при этом максимально обезопасить свою фальсификацию от разоблачения. Поэтому они сказали супруге арестованного ими полковника Дудина: "Не говорите никому, что ваш муж арестован. Говорите, что он в длительной командировке". И она поверила им, а они потом предложили ей "солидного" адвоката, встречи с которым проходили в военной прокуратуре, прямо напротив следственной тюрьмы ФСБ на Шпалерной, а еще потом сказали, что ее муж – шпион, предатель Родины, и его расстреляют.

А начинается все, как я уже говорил, с ущемления прав граждан на бытовую информацию, с нашего привычного молчаливого согласия с недоступностью чиновничьей информации. А чиновники давно поняли, что информация – это власть. И они знают, что, когда информация становится доступной широким слоям граждан, их власть ослабевает, зависимость граждан от них, всемогущих при информационных заслонах начальниках, ослабляется. К ним не идут на поклон, а приходят с требованиями делать все по закону. И с этим чиновник никак не хочет и не может смириться. И он делает все от него зависящее, чтобы на любом уровне сохранить в неприкосновенности свои информационные пространства. Это начинается с самого низкого уровня и простирается до самого верха. Наследники тоталитарного режима, наши чиновники помнят, что власть – это тайна, миф, легенда, которая должна внушать трепет обывателю.

Поэтому я повторяю свое предложение – необходимо создать закон о свободе доступа граждан к информации органов государственной и местной власти с четко сформулированными мерами ответственности за попытки ограничивать доступ к информации. Аналог американского Sunshin Act. Для этого надо найти соответствующих специалистов, найти денег для оплаты их работы и пролоббировать проект закона всеми доступными средствами. Если Дума не примет такого закона, это тоже будет полезный результат при условии, что факт этот будет доведен до граждан, то есть граждане реализуют свое право на достоверную информацию об отношении законодателей к проблеме доступа граждан к информации о деятельности органов власти в центре и на местах.